

© 2013 г. А. МУСТАЙОКИ

РАЗНОВИДНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА: АНАЛИЗ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Исходным пунктом статьи является известная статья Ю.Н. Караулова 1991 года «О состоянии русского языка современности», в которой излагается классификация форм и сфер существования русского языка. Цель настоящей статьи – постараться обновить идеи той работы, учтя развитие русского языка за последние 20 лет. За прошедшее время не только изменились само состояние, статус и употребление русского языка, но и накопилось немало новых исследований, посвященных разным вариантам русского языка. В новой классификации основное внимание уделяется целому ряду факторов, в частности, глубине владения языком (носитель – неноситель, носитель диалекта и т. д.), степени отличия конкретного варианта от стандартного языка, распространенности этого варианта в обществе, а также тому, какие характеристики имеет конкретная речевая ситуация.

Ключевые слова: языковая вариативность, варианты русского языка, разновидность, стандартный язык, нестандартный язык, узус, норма языка, носитель языка, неноситель языка

The starting point for the paper is the famous article by Ju.N. Karaulov from 1991 «On the state of the Russian language of our days», where a classification of the forms and spheres of existence of Russian was launched. The purpose of the present paper is to try to update the ideas expressed by Karaulov by taking into account the developments which have taken place in the Russian language and research on it during the last 20 years. In the new classification attention is paid, among others, to the following parameters: who, with respect to the Russian language, is the speaker (native/non-native, dialect speaker, etc.); what kind of characteristics the speech situation has; to what extent the variety differs from others; and how widespread it is in the society.

Keywords: linguistic variation, variants of Russian, variety, standard language, non-standard language, usus, language norm, native speaker, non-native speaker

Основой наших размышлений по поводу разновидностей русского языка служит известная работа Ю.Н. Караулова «О состоянии русского языка» [Караулов 1991]. Тогдашний директор Института русского языка АН СССР выделил восемь форм и сфер существования русского языка: 1) мертвый язык памятников письменности; 2) устный язык русских народных говоров, диалектный язык; 3) письменный язык литературы, прессы, государственной документации; 4) повседневный разговорный язык и просторечие; 5) научно-технический и профессиональный язык; 6) русский язык в машинной (электронно-вычислительной) среде; 7) неисконная русская речь; 8) язык русского зарубежья [Там же: 9]. Автор соединяет свою идею форм существования русского языка с теорией языковой личности. Согласно данной теории, язык репрезентуется тремя способами: текстовым, системным и сетевым (ассоциативно-вербальным) [Там же: 8–9].

Особая значимость работы Ю.Н. Караулова объясняется несколькими факторами. Престижный статус докладчика придал выдвинутым идеям программный характер. Текст, который был опубликован отдельной брошюрой, основывался на докладе Юрия Николаевича на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». Издание содержит, помимо доклада директора Института

русского языка АН СССР, материалы почтовой дискуссии, которые были присланы 18 известными лингвистами (в частности, Ю.Д. Апресяном, В.Г. Гаком, Е.А. Земской, В.В. Колесовым, О.Н. Трубачевым, Е.Н. Ширяевым). 20 лет тому назад предложенный список форм и сфер существования русского языка был достаточно оригинальным. Пророческим было выделение отдельных позиций для языка компьютерной сферы и языка зарубежья, т. е. тех, которые только позже стали предметом интенсивных научных исследований. Стоит также напомнить, что в 1990-е годы российское общество переживало один из переломных моментов своего существования.

Несмотря на большие заслуги Ю.Н. Караулова и перспективность его работы, она требует переосмысления. Это и является задачей настоящей статьи. Многие в русском языке изменилось за двадцать лет. Хотя сдвиги в статусе русского языка, в контингенте его пользователей, а также в формах его существования имеют черты, свойственные только русскому языку, верно и то, что он развивается не в изоляции от того, что происходит в других языках. Поэтому мы начинаем наши рассуждения с более общих вопросов.

ЭКСКУРС В ДРУГИЕ ЯЗЫКИ

Стимулом для появления новых научных идей часто бывает происходящее в других дисциплинах. Изучая развитие русского языка, особенно интересно посмотреть, какие вопросы актуальны в исследованиях английского языка. Несмотря на то, что это самый изученный язык в мире, наши знания о нем активно пополняются благодаря новым направлениям в его изучении. Положение английского как самого мощного мирового языка в истории человечества дало ученым повод поместить его в центр внимания как язык, употребляемый не носителями языка, а другими его пользователями. Так, изучение английского языка в качестве лингва франка (English as a lingua franca, ELF) стало самостоятельным направлением со своими конференциями и научными журналами.

Традиционно выделяются три основных типа английских языков [Kachru 1985]: 1) внутренний круг (inner circle) – в него входят страны, в которых английский язык является первым государственным языком, это США, Канада, Великобритания, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия; 2) внешний круг (outer circle) – в него входят страны, в которых английский язык играет важную государственную роль (например, Индия, Бангладеш, Пакистан, Филиппины, Кения, Гана, ЮАР, Нигерия, Танзания); 3) расширяющийся круг (expanding circle) – в него входят страны, в которых английский язык широко употребляется как иностранный или как лингва франка; в современном мире это практически все остальные страны.

С точки зрения дискуссии по разновидностям русского языка интересно, как В.В. Кэчру характеризует роль разных типов английского при определении понятия **нормы языка**. По его мнению, расширяющийся круг, в отличие от других, является зависимым от нормы (norm-dependent), т. е. не играет собственной роли при кодификации норм английского языка. Такой подход принимается не всеми лингвистами. Верно, что у ELF нет родины, но из этого не следует, что он подчиняется нормам какого-то варианта английского языка. Наоборот, ELF развивается стихийно и без кодификаторских усилий, это самостоятельный и сравнительно независимый вариант английского языка. ELF – не «язык учащегося» (learners' language) или interlanguage, не достигший совершенства, а полноценное средство коммуникации, на котором миллионы людей свободно общаются во всех уголках земного шара; см., например, [Dewey 2009: 78–81]. Эффективность лингва франка подтверждается наличием небольшого количества коммуникативных неудач при общении на данной разновидности языка [House 2003; Mauganen 2006; Мустайоки 2011].

Другая тема, которая широко обсуждается в англистике, это вопрос о том, кому «принадлежит» английский язык. Ученые употребляют в этом контексте слово **ownership** (см., например, [Higgins 2003]), которое в данном значении трудно перевести на русский язык: ближе всего, наверное, вариант «собственность на язык». Сущность этих рассуждений заключается в определении того, кто имеет право решать, как надо

говорить по-английски. Наличие разных более или менее признанных национальных вариантов уже давно создало ситуацию, где немислимо, чтобы жители Калькутты или Сиднея спрашивали у англичан или американцев, какую норму им следует соблюдать. Из-за быстрого распространения ELF и стремления к максимальному достижению целей общения среди неносителей английского языка возросла тенденция не уважать нормы языка, созданные в Британии или США. Хотя такой подход редко выражается открыто, на практике основная масса людей, говорящих на ELF, все меньше заботится о том, в какой мере их речь напоминает речь нормированную, предложенную кодификаторами английского языка. Достижение коммуникативных результатов «выигрывает» у стремления говорить правильно, т.е. происходит активная ориентация на взаимопонимание и практическое игнорирование нормы, см., например, [Hülmbauer 2009].

За таким подходом стоит идеологический постулат, который предписывает: важно не то, как мы говорим, а то, понимаем ли мы друг друга. Такая позиция оправдывается тем, что, благодаря своей простоте и направленности на понимание, речь на ELF считается ее пользователями более доступным средством общения, чем речь носителей английского языка [Firth, Wagner 1997; Hülmbauer 2009]. В этой связи стоит напомнить, что ориентированный на успешную коммуникацию подход, игнорирующий нормативность языка, является ингерентным, природным свойством общения между людьми. Собственно говоря, потребность во всеобщем нормированном языке в исторической перспективе – весьма новое явление, возникшее вместе с идеей национальных государств (nation-state) [Taylor 1990; Gal, Irvine 1995].

Также необходимо отметить один важный аспект, который встречается в научном дискурсе по поводу ролей языков, особенно английского, в современном мире. Это рассмотрение языка как предмета потребления. Рост такого интереса к коммуникативным способностям людей характеризуется термином «commodification of language» [Cameron 2005; Duchêne 2009; Heller 2010], под которым понимается первостепенность языка для осуществления таких форм экономической деятельности, как туризм, маркетинг и работа международных предприятий. А. Павленко [Pavlenko 2012] подчеркивает, что новый рост изучения русского языка в ряде стран объясняется этим же утилитарным фактором.

О статусе вариантов разных языков всюду ведутся большие споры. Иногда практические решения раскрывают реальную ситуацию более наглядно, чем какие-либо теоретические дискуссии. Так, в памяти компьютера, на котором написан этот текст, можно найти больше одного автоматического корректора текстов (спелл-чекера) по многим языкам. Вот некоторые примеры: по арабскому языку – 16, по английскому – 19, по французскому – 15, по немецкому – 5 и по испанскому – 22¹. Поскольку речь идет о коммерческом продукте, для выделения отдельного варианта требуется достаточно большое количество пользователей данной услуги при относительной устойчивости выделенной нормы в рамках означенного государства. Спелл-чекер предназначен в первую очередь для выявления опечаток и ошибок в орфографии и выборе слов, поэтому данный «метод» определения степени вариативности какого-либо языка отражает только эту сторону употребления языка.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ, ДЕСТАНДАРТИЗАЦИЯ И ОСЛАБЛЕНИЕ НОРМАТИВНОСТИ

Рост вариативности разных языков и возникновение ELF как самостоятельного варианта английского языка являются реализацией более общей тенденции в современном обществе, явления, которое британский социолог Антони Гидденс охарактеризо-

---

¹ Шведский язык тоже существует в двух самостоятельных вариантах, один из которых имеет статус титульного языка (в Швеции), другой – статус официального государственного языка (в Финляндии) [Thelander 2011; Östman, Mattfolk 2011]. В Норвегии наблюдается особая ситуация с двумя официальными норвежскими языками (nynorsk, bokmål) и живыми диалектами [Sandøy 2011].

вал термином «демократизация демократии» [Giddens 2000]. Данный процесс носит глобальный характер, хотя форма и глубина процесса разнятся. То, что происходит в России, отличается от того, что мы видим в Финляндии или в Египте, но направление одинаково – активизация роли широких масс, вследствие чего голос народа звучит все громче. Не только в тоталитарных странах, но и в странах, где наличествуют устойчивые формы демократического общества со свободными выборами, народ стал требовать, чтобы политическая и экономическая элита прислушалась к потребностям рядовых граждан. Интернет оказался мощным инструментом в распространении общественного мнения.

Что же это означает для языка? Чтобы ответить на такой вопрос, нужно сначала коротко коснуться сущности стандартизации и нормализации языка. Можно задать вопрос, влияют ли эти меры на демократию. Ответить можно двояко. С одной стороны, влияют, поскольку нормированный язык дает возможность всем говорить на «правильном», признанном языке. С другой стороны, кодифицированный язык убавляет демократию, поскольку за нормой всегда стоит элита, для которой регулирование правил языка является одним из способов диктовать свою волю широким слоям населения. Авторы вводной статьи к книге «Standard languages and language standards in a changing Europe» [Coupland, Kristiansen 2011] обсуждают этот вопрос на основе ряда социологических и социолингвистических теорий. Ученые, изучавшие соответствующие процессы в разных странах, различают два типа ослабления нормы: дестандартизацию и «демотизацию» (*demotisation*, *Demotizierung*), т. е. подъем более «низкого» варианта языка до более «высокого», переоценку ценностей в иерархии языковых разновидностей, связанную, в частности, с использованием новых стандартов в СМИ. В первом случае единые языковые стандарты постепенно теряют свое значение, а вместо них появляется множество способов говорения. Во втором происходит смена стандарта: официальная книжная речь вытесняется речью, содержащей элементы более низкого стиля или разновидности [Auer, Spiekermann 2011].

Нам кажется, что стандартизация действительно имеет эти две стороны, доля и значимость которых варьируются в зависимости от общественной и языковой ситуации рассматриваемой страны. Хотя каждый случай уникален, в данном процессе можно отметить некоторые достаточно регулярные и очевидные черты.

1. Создание и кодификация общенациональной нормы языка являются признаком любого современного независимого государства. Как показывает пример бывших республик Югославии, свой национальный язык является одним из самых существенных символов молодого государства². Это до такой степени важно, что если для развития национального языка нет естественных путей, он должен быть создан искусственным способом.

2. Если не имеет места официальное регулирование норм языка, носители языка стихийно и неосознанно создают общие варианты употребления языка, которые постепенно, по крайней мере частично, признаются данным коллективом.

3. Кроме единой общей нормы, существующей в каком-либо языковом сообществе, для разных социальных групп создаются варианты нормы, которым члены этих сообществ в общении между собой добровольно подчиняются.

4. Нормы иногда вызывают протесты у людей, не желающих или, в силу тех или иных причин, не способных подчиняться правилам сверху. Одним из проявлений такого рода непокорности можно считать создание разных арг, сленгов и других ненормативных разновидностей языка, отражающих отношение «не кто-то посторонний предписывает, как нам говорить, а мы сами определяем наши собственные нормы». Тем самым

---

² Свой титульный язык важен, несмотря на то что все новые государства по составу жителей – многонациональные и многокультурные. Возможно, именно данное обстоятельство увеличивает потребность в создании своего национального языка. Интересные рассуждения о значимости разных факторов для гражданской и государственной идентичности можно найти в работе [Сулейменова 2010].

создание своего языка служит эффективным средством выстраивания границы группы: «мы» – это те, кто вот так говорит.

5. Во всех современных обществах происходит процесс «онароднивания» (vernacularisation) языка: официальный, видимый всем язык становится менее официальным³. Особенно ярко это проявляется в массмедиа. Не только в устные формы, но и в письменные жанры СМИ проникают элементы разговорной речи. Содержание СМИ уходит все дальше от чистой передачи информации, приобретая развлекательный характер. Другое проявление толерантности к ненормированному языку заметно на телевидении, когда выступают люди, по-разному владеющие родным или иностранными языками. Одним из ярких примеров свободы выражения служит речь лидеров государств и других персон мирового уровня, публично выступающих на ломаном английском языке.

Эти общемировые тенденции затронули также и положение русского языка в России и мире.

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ И СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В последние годы в русском языке происходят заметные изменения. Они касаются всех уровней языковой системы: от фонетики и лексики до морфологии и синтаксиса. Отчасти мы имеем дело с тенденциями, которые проявляются спорадически и в речи не всех носителей языка, отчасти изменения охватывают все сферы функционирования языка. Эти процессы подробно описаны в книге «Русский язык конца XX столетия»; ср. также [Юдина 2010: 85–141].

Нас интересуют не конкретные изменения, происходящие в русском языке, а процесс в целом. Начнем обсуждение вопроса с «размывания стандарта» употребления языка, о котором шла речь выше. Данное явление носит в России более масштабный характер, чем в других странах, ср. [Коньков и др. 2004: 77–78]. Двадцать лет тому назад произошел коренной перелом, когда после десятилетий жестко регламентированной публичной речи, доминировавшей в советское время, любой носитель языка смог участвовать в живой дискуссии на телевидении или написать в газету или журнал.

М.В. Панов отмечает, что еще во время перестройки языковая норма утратила свое былое значение, однако более радикальные изменения в пространстве массмедиа начались только в 1990-е гг. [Панов 1988]. Эти процессы не прошли мимо внимания российских ученых. Согласно Л.П. Крысину, за этими изменениями стоят разные социальные причины, а именно, «демократизация русского общества, деидеологизация многих сфер человеческой деятельности, антииталитарные тенденции, снятие разного рода запретов и ограничений в политической и социальной жизни, “открытость” к веяниям с Запада в области экономики, политики, культуры и др.» [Крысин 2000: 63–91]⁴.

В ряде работ при рассмотрении современного состояния русского языка авторы прибегают к оценочно-окрашенным выражениям. Вместо изменений и развития русского языка говорится о его **кризисе**. Вместо аналитического взгляда на демократизацию языка пишется о крайнем ее проявлении в виде **лингвистического нигилизма**. Опасным считается распространение **лингвистического утилитаризма**, при котором язык может эффективно решать только практические задачи коммуникантов. Отмечается тенденция к **семантическому примитивизму**, к распространению брутально-грубой лексики (см. обзор таких взглядов в [Юдина 2010: 9–16]). Действительно, положение русского языка волнует многих лингвистов. М. Кронгауз заканчивает свою книгу

³ Н.Б. Мечковская, изучая историю демократизации языков, употребляет яркие термины: «Процессам демократизации языков предшествовало культурное двуязычие – столетия социально-языкового апартеида» [Мечковская 2006: 131], «тупики языковой элитарности» [Там же: 135], ср. также [Майданова 2000].

⁴ Ср. также другие описания изменений в современном русском языке в [Норман 1998; Ryzanova-Clarke, Wade 1999: 308–339].

«Русский язык на грани нервного срыва» утешением: переживает и нервничает не русский язык, а его носители [Кронгауз 2009: 215]⁵.

У Е.А. Земской, одного из самых авторитетных исследователей русской устной речи, более спокойное отношение к изменениям в употреблении языка. Она видит следующие сдвиги в социо- и прагмалингвистическом пространстве России: 1) расширение состава участников массовой и коллективной коммуникации; 2) ослабление цензуры и автоцензуры; 3) рост личностного начала в речи, диалогичность общения; 4) расширение сферы устной спонтанной речи в ситуации личного и публичного общения [Земская 1996: 9–14]. Суммируя разные тенденции, Е.А. Земская считает основным проявлением демократизации языка размывание границ между неофициальным личным и официальным публичным общением. В этом отношении ситуация в России соответствует тем глобальным процессам, которые происходят практически везде в мире. Разница только в скорости этих изменений. То, чем Россия отличается от западных стран, – это отращивание к сугубо бюрократическому стилю, который был распространен в советское время, и интерес к некоторым языковым явлениям прошлого, отвергнутым в качестве нормы в эпоху тоталитаризма.

Говоря о демократизации русского языка, нельзя оставить без внимания Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», поскольку одним из самых важных поводов для составления Закона была потребность очистить русский язык от вредного иностранного влияния и от других нежелательных черт⁶. В целом Закон можно истолковать как попытку усилить меры по стандартизации языка. Многие ученые считают достижение таких целей путем языковой законодательной политики невозможным. Один из критиков Закона Н.Д. Голев обвиняет в низкой языковой культуре российскую школьную традицию преподавания родного языка, в которой «правильность абсолютизируется, догматизируется, сакрализуется» и в которой грамотность отождествляется со знанием орфографии и пунктуации [Голев 2009: 387–389].

За 20 лет после выхода работы Ю.Н. Караулова изменились также статус русского языка и контингент его пользователей. В советское время русский язык широко употреблялся как язык-посредник в общении между носителями разных языков как в официальных сферах, так и в личных контактах. В этом отношении Советский Союз представлял собой единое языковое пространство, в котором у русского языка был бесспорный приоритет в качестве общего языка, обеспечивающего общение между людьми с разными родными языками. При учете охвата русским языком широкого географического пространства и систематического его употребления этот семидесятилетний период можно считать его значительным триумфом.

К тому же русский язык изучался как обязательный вне Советского Союза в странах Восточной Европы. Это не всегда приводило к подлинному владению языком, но и в худшем случае давало учащимся элементарные знания о нем. В других странах русский язык пользовался умеренной популярностью. В то время русский язык получил также официальный статус в некоторых международных организациях.

После распада Советского Союза положение русского языка и контингент его пользователей претерпели радикальные изменения. Существуют разные данные о количестве носителей русского языка и людей, владеющих данным языком⁷. В ходе

---

⁵ Дискуссия о «порче» языка и противоборствующих сторонах в ней описана в [Wingender et al. 2010], а мнения рядовых носителей в [Vanhala-Aniszewski 2010].

⁶ Процессу создания Закона о русском языке как государственном, его содержанию посвящено немало исследований (см. обзор в [Юдина 2010: 26–55]). Кроме дискуссии вокруг Закона, рассматриваются также меры поддержки русского языка, такие как Год русского языка, целевые программы и др.

⁷ Данные о числе носителей русского языка и говорящих на нем в странах СНГ и Балтии даются, в частности, в [Лазутова 2010; Орешкина 2010]. Сведения по всему миру представлены, например, в [Mustajoki 2010]. Вследствие отсутствия достоверных источников приводимые разными авторами цифры сильно варьируются.

исторического процесса носителей русского языка сейчас оказалось намного больше за пределами России, чем их было за пределами Советского Союза. Носителей русского языка в некоторых странах уже такое количество, что они имеют определенный политический вес (особенно в Израиле). В рамках ЕС русскоговорящих достаточно много, и растет волна требований придать языку статус миноритарного. Особенно интересна судьба русского языка в странах СНГ и Балтии, в каждой из которых его статус определен по-своему⁸.

Данные о количестве русскоговорящих и сведения об официальном положении русского языка интересны и важны, однако не менее важно отметить изменение роли русского языка на уровне его практического употребления. Когда латыши и украинцы говорили между собой в советское время, русский язык был вполне естественным при выборе языка для общения, поскольку контакты были неизбежны и другого общего средства общения не имелось. Русский язык служил, как в то время говорили, языком межнационального общения и языком-посредником между представителями разных языков и этносов Советского Союза.

Ситуация совсем иная, когда эти же носители латышского и украинского языков встречаются на стройке в Ирландии и общаются там между собой на русском языке [Mustajoki 2010: 37]. По сравнению с ситуацией в Советском Союзе изменились три вещи: 1) выбор русского языка перестал быть автоматическим, ведь они могли бы говорить также на (ломаном) английском языке; 2) русский язык лишен для собеседников всякой политической окраски, а является просто самым удобным для них средством коммуникации; 3) языковая среда вокруг нерусская, вследствие чего поблизости нет носителей языка, контролирующих его употребление⁹. Второе и третье положения образуют хорошую почву для коммуникативно-ориентированного употребления языка без необходимости следовать каким-либо нормативным рекомендациям говорить «правильно». Другими словами, создается типичная для лингва франка ситуация, о которой упоминалось ранее.

Соответствующие ситуации наблюдаются также внутри России. Когда носители разных языков Дагестана употребляют русский язык в общении между собой, мы имеем дело с русским языком как лингва франка, достаточно сильно отличающимся от русского языка москвичей¹⁰.

ИЗМЕНЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ 20 ЛЕТ

В обсуждавшейся нами работе Ю.Н. Караулов обращает внимание также на односторонность научного интереса к русскому языку: «...этим текущим языком общества русистика, да, пожалуй, и лингвистика в целом, никогда по-настоящему не занималась <...> мы привыкли ориентироваться на мэтров языка, на авторитеты, и старались избегать “отрицательного” языкового материала. Обыкновенный native speaker, своеобразный “речевой миноритет” <...> никогда не был предметом нашего исследовательского интереса» [Караулов 1991: 4]. Автор справедливо констатирует, что из живых устных

---

⁸ Положение русского языка в бывших советских республиках обсуждается, в частности, в [Pavlenko 2008a; 2008b; Лазутова 2010; Орешкина 2010]. В работе [Pavlenko 2011] рассматривается положение русского языка в ряде стран с точки зрения языковых прав.

⁹ В.Н. Белоусов отмечает по этому поводу, очевидно, с легким сарказмом: «...если два десятилетия тому назад русский язык употреблялся в качестве средства межнационального общения в одной стране, то сейчас – в нескольких» [Белоусов 2010: 222].

¹⁰ Языковая ситуация в Дагестане описывается, в частности, в работе [Daniel et al. 2010]. Дагестан – интересный пример потому, что там число носителей русского языка меньше 5%. В связи с этим его главная роль – служить в качестве языка-посредника. Иное положение у русского языка в Татарстане, где носителей русского языка почти 40%. Там налицо типичный случай несимметричного двуязычия: почти все татары говорят по-русски, а из русских мало кто говорит по-татарски [Байрамова 2001; Wingender 2003; Горячева 2010].

форм лингвисты долгое время интересовались исключительно диалектами. Сейчас, 20 лет спустя, можно задаться вопросом: изменилась ли ситуация в этом отношении?

Перед тем как ответить на поставленный вопрос, коснемся коротко дискуссии по поводу данной проблематики в западной лингвистике. Шведский лингвист П. Линелл не устает говорить о том, что в лингвистике существует определенный дисбаланс статусов устной и письменной форм языка (см., например, [Linell 1998; 2009; 2012]). Он вместе с другими учеными (см., например, [Marková 1982]) ввел понятие «диалогизм» для того, чтобы подчеркнуть первостепенность устного общения среди разных форм существования языка. Идея, конечно, не нова. Как известно, диалогическое начало языка является одним из основных постулатов философии языка М.М. Бахтина, который считал устный диалог первичным жанром человеческой речи. То, что данное утверждение имеет давнюю историю, не делает его менее оправданным или менее веским. П. Линелл прав в том, что грамматики, словари и другие общие описания языка по-прежнему основываются на письменной форме, хотя устная разновидность является собственно родным языком всех людей; ср. [Земская 1987: 4]. С письменным вариантом мы знакомимся позже как со своего рода вторым языком, который выучивается более целеустремленно и менее стихийно, чем устный язык.

Что касается русистики, устная форма языка изучалась более систематически начиная с классических работ Е.А. Земской, О.А. Лаптевой и О.Б. Сиротининой. Если рассмотреть русистику в целом, то создается впечатление, что устная диалогическая речь до сих пор маргинальна, служит дополнением к научному мейнстриму. Так, грамматики и словари по определению отражают главным образом письменный язык. В этом отношении ситуация с русским языком не отличается от описания многих других «больших» языков. Исключение составляют языки, не имеющие письменности и своих исследователей – носителей языка.

Для русистики в течение последних двадцати лет характерно накопление исследований, предметом которых является какая-либо нестандартная разновидность русского языка. В частности, рассматривался язык диаспоры ([Протасова 1998; 2004; Земская 2000; 2001; Гловинская 2001; Голубева-Монаткина 2004а; 2004б; Ždanova 2007] и др.), разные формы языка Интернета [Асмус 2005; Горошко 2007; Какорина 2010], редуцированный язык в общении с иностранцами [Федорова 2002] и с детьми [Димитрова 2000; Гаврилова 2002], язык детей [Цейтлин 2000], язык староверов [Касаткин и др. 2000; Кюльмова 2000; Синочкина 2004]¹¹, русские пиджины [Перехвальская 2008] и т. п. В центре внимания ряда работ [Китайгородская, Розанова 1999; 2010] стоит язык города. Кафедра русского языка Хельсинкского университета активно участвует в изучении нестандартных форм русского языка. Издано два сборника, посвященных данной тематике: «Русскоязычный человек в иноязычном окружении» [Мустайоки, Протасова 2004] и «Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian» [Mustajoki et al. 2010]. В сборнике [Языки соседей 2011] опубликована часть результатов совместного финляндско-русского проекта «Русский и финский языки как лингва франка». Ожидаются дальнейшие публикации.

Вторая быстро развивающаяся область русистики – это корпусная лингвистика (обзоры корпусов и исследования, основывающиеся на них, см. в [Корпусные исследования 2009; Mustajoki et al. 2010]). И здесь преобладающая масса данных основана на письменной речи, но есть и материалы устной речи, количество которых постепенно растет. Расшифровки устной речи входят в Национальный корпус русского языка, есть отдельные корпуса, посвященные устной речи, например [Кибрик, Подлесская 2009]. Появляются новые материалы устной речи в письменной форме; например, серия публикаций [Живая речь уральского города 1988; 1995; 2011; Языковой облик уральского города 1990] и др. Составляя корпуса устной речи современных горожан, петербургские лингвисты видят возможность реализовать идею Б.А. Ларина [Ларин

---

¹¹ С.Е. Никитина рассматривает в своей работе [Никитина 2001] не только язык староверов, но и язык других русских конфессиональных групп США.

1928а; 1928б] об изучении «многодиалектности» и вообще о многообразии речи людей [Богданова и др. 2009]. Особенно интересным кажется проект «Один речевой день», охватывающий на нынешнем этапе записи реальной речи 50 человек в течение одного дня; см., например, [Sherstinova 2010]. Наличие корпусов нестандартных устных форм русского языка непременно будет оказывать положительное влияние на исследование устной русской речи.

«СИСТЕМА», «НОРМА», «УЗУС», «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК», «СТАНДАРТНЫЙ ЯЗЫК»

Как известно, в лингвистике нет единогласия в понимании многих основных терминов. Коротко остановимся на их определении. Сначала коснемся взаимоотношения терминов «норма» и «узус» и того, как выбор объекта исследования влияет на методологию изучения языка.

Мы придерживаемся триады «система» – «норма» – «узус», выдвинутой в работах Э. Косериу [Coseriu 1962; 1967], которая, на наш взгляд, более адекватно отражает сущность языка, чем дихотомии «langue – parole» де Соссюра и «competence – performance» Хомского. Основная идея разграничения понятий по Э. Косериу заключается в следующем: **система** является потенциалом языка, **норма** – это то, что носители языка считают правильным, **узус** представляет собой обобщение языкового материала, речевую привычку, то, как люди говорят и пишут. Объясним сущность этих терминов с помощью простых примеров; см. более подробно [Мустайоки 1988]. Словоформа *солдатов образована согласно системе русского языка, но противоречит норме; она не встречается в узусе взрослых образованных носителей русского языка, но иногда встречается в речи детей и иностранцев, а также в просторечии. Слово *РКИшник* (*эркашник*) тоже образовано согласно системе русского языка, официальная норма его не принимает (и словари не фиксируют), в узусе, особенно в устной речи профессионалов (специалистов по РКИ), оно встречается часто.

Можно выделить существование разных норм в зависимости от того, кто их определяет. Во-первых, **кодифицированная официальная норма** (КодН) – это тот русский язык, который фиксируется в грамматиках и нормативных словарях русского языка, язык, которому обучаются в российских школах¹². Эту норму определяют кодификаторы языка; другими словами, это то, что они считают правильным и рекомендуемым. Определяя официальную норму, кодификаторы опираются на разные объективные критерии, в частности, языковую традицию, исторические процессы, протекающие в языке, закономерности, которые характеризуют эти процессы, и т. д. [Современный русский язык 2010]. Поскольку всегда существуют противоречивые критерии определения нормы, данный процесс не может не отражать и субъективные решения кодификаторов. Строго говоря, КодН представляет собой идеал языка, на котором фактически никто не говорит. Во-вторых, выделяется **коллективная норма** – то, что языковой коллектив считает правильным. В-третьих, можно также выделить **ситуативную норму**, поскольку норма ситуативно обусловлена: то, что можно в одной ситуации, запрещено в другой. См. подробнее в [Мустайоки 1988].

Поскольку все разновидности нормы основываются на интуитивном представлении людей о правильности той или иной языковой единицы, прямым способом выявления нормы является обращение к носителям языка с таким вопросом. То, как люди говорят (узус), являет собой только косвенное представление о норме. Такой принципиальный методологический подход важен по двум причинам. Во-первых, люди могут сознательно отклониться от своей собственной или коллективной нормы, например, в целях придания своей речи большего колорита. Во-вторых, люди иногда неосознанно отклоняются от нормы, например, из-за усталости, небрежности или недостаточной

---

¹² В российской лингвистической традиции иногда употребляются также термины «национальный язык» и «общенародный язык» (см. рассуждения об этом в [Крючкова 2010: 65–66]).

концентрации внимания. Как правило, люди плохо осведомлены о том, как они говорят. Общеупотребительный язык, своего рода коллективный (иногда и официальный) узус мы называем **стандартным языком**. Ниже мы более подробно покажем, что он имеет две разновидности, устную и письменную¹³.

Термин «кодифицированная официальная норма» требует дальнейшего уточнения. Его определение соответствует в общих чертах тому, что принято в российской лингвистической традиции называть «литературным языком». Хотя обычно подчеркивается, что под литературным языком понимается не язык художественной литературы, при определении литературной нормы долго опирались на авторитет языка признанных писателей. С точки зрения обсуждения разницы между нормой и узусом парадоксальным можно считать то, что образцом для кодификации нормы служил язык Пушкина и других знаменитых писателей, то есть узус, или то, как они писали. В современной России ситуация в этом отношении совсем другая, чем была раньше, и связь кодификации языка с художественной литературой уже не прямая. Это объясняется двумя факторами. Во-первых, в современном мире Пушкиных и Толстых уже нет. Во-вторых, обстановка и потребности кодификаторской работы сильно изменились. В XIX веке нужда в создании литературной нормы была очевидна, а, как было сказано выше, наше время идет в другом направлении: носители языка ищут способы освободиться от оков языковой нормы.

Требуют обсуждения также и причины потребности кодификации языка. Ю.А. Бельчиков, ссылаясь на слова Л.В. Щербы [Щерба 1957: 117], выражает распространенное мнение, согласно которому требование абсолютного подчинения носителей литературного языка кодифицированным нормам связано с тем, что главное назначение литературного языка – «быть всем понятным» [Бельчиков 2003: 181]. Как показывает наша ежедневная практика, соблюдение литературных норм не обязательно делает текст более доступным, чем отклонение от них. Газетные тексты советского времени были не более понятными основной массе, чем тексты современных газет, хотя в них литературная норма соблюдалась более последовательно по сравнению с нынешней ситуацией. Другой более конкретный пример. Когда финский проводник поезда «Allegro» на границе России и Финляндии говорит русскому пассажиру: «Покажите ваши билеты и паспорта», – все абсолютно понятно, несмотря на ненормативность высказывания.

Нельзя отрицать того, что в определенных условиях создание общей литературной нормы делает общение между представителями определенного социума возможным или, по крайней мере, облегчает его. Такова ситуация, например, в Китае, где местные диалекты разошлись настолько, что их носители уже не понимают друг друга. Из этого, однако, не следует, что при всех условиях целесообразно придерживаться литературного языка, сильно отличающегося от того, как люди говорят и пишут.

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗНОВИДНОСТЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ю.Н. Караулов, представляя свой список форм существования русского языка, осознавал его несистемный характер: «Единственно, что я могу сказать в оправдание, так это то, что я не претендовал на построение логически строгой классификационной шкалы, а, стремясь к полноте охвата сфер и форм существования русского языка, вы-

---

¹³ См. рассуждения по поводу термина «стандартный язык» в [Германова 2002; Крючкова 2010: 73–74]. Отметим, что наше толкование стандартного языка отличается от того, что предлагается З. Кёстер-Тома. Автор, ссылаясь на работы Пражского лингвистического кружка и Л. Блумфильда, выделяет три уровня существования языка: **стандарт**, **субстандарт** и **нонстандарт**. Для нее разговорная речь носителей литературного языка представляет собой субстандарт, а просторечие, сленг, жаргоны, арго, а также употребление матерной лексики принадлежит к нонстандарту [Кёстер-Тома 1993]. Такая терминология возможна, но, на наш взгляд, лучше говорить об устном варианте стандартного языка, чем называть эту разновидность субстандартом.

делил те его разновидности, которые были и которые на самом деле являются особым предметом исследования соответствующих отраслей нашей науки – русистики» [Караулов 1991: 8]. Мы согласны с Юрием Николаевичем: соблюдение строгих классификационных критериев согласно общим принципам науки возможно, но оно привело бы к результату, который не соответствовал бы нашему интуитивному представлению о релевантных разновидностях русского языка.

Как показывает вышеприведенная цитата из работы Караулова, автор употребляет слово *разновидность* как синоним выражения *сфера и форма существования* русского языка. На наш взгляд, слово *разновидность* весьма удобно для выражения того, о чем здесь идет речь¹⁴. Кроме того, оно позволяет нам не прибегать к слову *вариант*, которое вызывает у ряда ученых сильные протесты¹⁵.

Чтобы хотя бы отчасти следовать определенной систематике, мы будем придерживаться в установлении разновидностей следующей последовательности критериев: первичным фактором считается то, кто говорит, а вторичными – другие общие характеристики ситуации общения (канал связи, группа собеседников, специфичность данной разновидности).

1. Кто говорит? Совершенно очевидно, что, говоря о русских, мы имеем в виду языковую, а не этническую принадлежность. Однако данное уточнение еще не гарантирует однозначности термина, поскольку разница между носителями русского языка как родного и носителями русского языка как второго, или между «природными» и «не природными» носителями языка, не вполне четкая [Davies 2003; Мустайоки, Протасова 2004; Blommaert, Rampton 2011]¹⁶. Понятие относительно и в том смысле, что у носителей языка уровень владения родным языком не одинаков: в разных речевых ситуациях

---

¹⁴ Что касается русского языка вне России, лучше всего изучены его характеристики, пожалуй, в Казахстане (см., например, [Сулейменова, Смагулова 2005; Шайбакова 2005; Аканова и др. 2010; Языковая политика в Казахстане 2010]). Это объясняется двумя факторами. Во-первых, положение и статус русского языка в стране признаны и устойчивы по сравнению с другими странами СНГ и Балтии, в связи с чем русский язык широко употребляется в государственных документах и прессе, что образует хорошую почву для создания своего стандарта языка. Во-вторых, казахстанские лингвисты-русисты активно изучают местный язык и участвуют также в дискуссии о языковой политике страны. Э.Д. Сулейменова приводит удачный конкретный пример особого русского языка Казахстана: «Основными мерами в данном направлении станут организация и проведение айтысов, мушайра, дебатных турниров и конкурсов жырау и жыршы» [Сулейменова 2011: 90]. Фразу можно было бы интерпретировать как ненормативную или шуточную, если бы она не была взята из государственного документа.

¹⁵ Слово *вариант* употребляется в русской лингвистической традиции в другом значении, когда речь идет о допустимых параллельных реализациях лексических, произносительных или морфологических норм (см., например, [Валгина 2001: 26–40]). На обобщающем уровне традиционно употребляются как термин «вариантность» [Литературная норма и вариантность 1981], так и термин «вариативность» [Солнцев 1984]. Говоря о другом типе вариативности в отношении различий в речи носителей русского языка в разных странах, ученые тоже употребляют разные формулировки: Л.П. Крысин говорит о «варьировании русского языка в инонациональных условиях» [Крысин 2004: 404–410], Ю.В. Дорофеев употребляет в этом контексте слово *вариант*, определяя его так: «Под вариантами мы будем понимать формы существования языка, представляющие собой модификацию инварианта системы и структуры языка или норм языка. Варианты возникают в результате воздействия различных экстралингвистических факторов, поэтому правомерным является выделение национальных вариантов языка, этнических, территориальных, социальных» [Дорофеев 2010: 237].

¹⁶ В работе [Skutnabb-Kangas, Phillipson 1989: 453] выделяется пять возможных критериев для определения родного языка по отношению к тому, является ли язык 1) первым; 2) лучше усвоенным; 3) наиболее употребляемым в жизни данного человека; или 4) как он сам идентифицирует себя и 5) как другие идентифицируют его. Поскольку критериев много, естественно, они могут привести к разным результатам. Кроме того, по поводу отдельных критериев могут быть неоднозначные ответы, как хорошо демонстрирует один из авторов статьи, применяя классификационные критерии к своей личной жизни.

они не всегда хорошо справляются с коммуникативными задачами¹⁷. Не все носители языка способны выступать с речью или писать протокол. А те, кто умеет это делать, возможно, не могут вести разговор по душам. Иногда природный носитель языка даже уступает по своим знаниям и коммуникативным навыкам неприродному носителю языка. Так, финский бизнесмен, который не способен общаться с людьми в московском пивном баре, вероятно, успешен в торговых переговорах на русском языке больше, чем какой-либо природный носитель языка, посещающий этот бар.

Эти понятия становятся еще более расплывчатыми, когда мы рассматриваем не только родной язык, но и языковую личность в целом. Исследователи справедливо отмечают, что разные языковые личности одной персоны не могут не оказывать влияния друг на друга; ср. [Красных 2003: 79; Пуссинен 2011: 39]. Несмотря на сделанные оговорки, критерий «природный носитель русского языка» является одним из центральных в определении разновидностей русского языка.

Среди носителей русского языка выделяется группа русских, живущих за пределами России. Это весьма гетерогенная совокупность людей. По степени близости их языка к стандартному языку москвичей различаются две категории русских: 1) сравнительно недавно эмигрировавшие русские и русские, живущие в ближнем зарубежье, и 2) русские, долго жившие в изоляции от России¹⁸. На язык людей, относящихся к этим категориям, неизбежно влияют временная и географическая близость к современной России. Внутри второй группы отмечаются существенные различия, касающиеся оригинальности («странности») языка: по сравнению с нормативным русским языком их язык, с одной стороны, архаичен, с другой стороны, он испытал на себе влияние окружающей языковой среды.

Что касается русских, живущих в России, традиционно выделяются носители литературного языка, носители просторечия и носители диалектов (впрочем, они же есть и вне России). Исходя из того, какой язык человек усвоил первично, достаточно различать две категории людей в зависимости от того, был ли их первым языком стандартный устный язык или нестандартный (устный) язык, т. е. диалект¹⁹, просторечие²⁰ или какой-либо региональный вариант русского языка. Кроме того, мы выделяем детей как особую группу носителей языка. Их язык отличается от стандартного языка по-иному, чем просторечие и другие особые разновидности языка взрослых. Тот факт, что язык детей еще развивается, не оправдывает его игнорирования в списке разновидностей русского языка, поскольку он имеет весьма специфические черты и обслуживает миллионы его пользователей.

Перейдем к характеристике людей, из уст которых можно слышать «неисконно русскую речь», упоминавшуюся Ю.Н. Карауловым в его классификации. Это, естественно, иностранцы, инофоны, говорящие по-русски²¹. Особую группу среди них образуют билингвы, отлично владеющие русским языком (*near-native speakers*). Хотя их язык иногда «лучше», чем язык некоторых групп носителей родного языка, есть основания выделить их в особую категорию, поскольку свободное владение двумя (или больше) языками не может не влиять на русский язык этих людей. Есть принципиальная разница между родным и неродным языками, которая не восходит к уровню владения этими языками. Когда мы говорим на своем родном языке, мы чувствуем, что это «наш язык», в разви-

---

¹⁷ В своей известной категоризации У. Аммон [Ammon 1989: 64–65] выделяет шесть подгрупп носителей языка и восемь подгрупп неносителей. Однако, на наш взгляд, используемые им критерии (умение говорить, слушать, писать и читать) не применимы для описания русского языка.

¹⁸ Разные категории русских в диаспоре рассматриваются в [Жданова 2009].

¹⁹ Многостороннее описание свойств и ролей диалектной речи можно найти, в частности, в [Гольдин, Крючкова 2010].

²⁰ История и современное состояние просторечия рассматриваются, в частности, в [Шапошников 2011].

²¹ Е.А. Калиновская [Калиновская 2011] употребляет в этом контексте термин «ксенолект».

тии которого мы участвуем сами, в отношении которого мы вправе определять норму (ср. дискуссия об *ownership* выше). Выученный иностранный язык имеет в нашем сознании другой статус. Конечно, и здесь нет четкой границы: креативность и языковые игры, будучи важными элементами родного языка, могут появляться и в речи иностранца.

Язык других носителей языка варьируется в зависимости от того, как человек выучил язык. Основными источниками знания русского языка могут быть: 1) русские родители или бабушки и дедушки; 2) школа; 3) реальные условия коммуникации (например, разговоры на улице, на работе) [Mustajoki 2010: 39–40]. Форма изучения русского языка влияет не только на общий уровень владения языком, но и на отдельные языковые навыки (произношение, лексика, грамматика, прагматические особенности и т. п.), которые могут быть освоены в разной степени. Несмотря на эти различия, мы выделяем только одну разновидность русского языка для категории пользователей «иностранцы». Отметим, однако, что под языком иностранцев подразумевается их речь в реальных ситуациях коммуникации, а не тот «учебный язык», который используется в аудиториях, где преподается русский язык.

2. Другие условия коммуникации. Ингерентные свойства говорящего по шкале «родной – неродной язык» представляют собой центральный критерий в определении разновидностей русского языка. Однако наряду с этим параметром огромное влияние на то, как мы говорим, оказывает коммуникативная ситуация в целом. Начнем с самого очевидного разделения.

Выше речь шла об ориентированности лингвистики на письменную речь и о слабом интересе к устной речи, которая, по сути дела, является родным языком всех людей. С другой стороны, лингвистические особенности русской устной речи описаны достаточно хорошо, что позволяет сделать вывод о принципиальной разнице устной и письменной речи. Есть, правда, две вещи, которые уменьшают категоричность этого различия. Одна из них – отмеченное выше приближение публицистического стиля к разговорной речи. Это существенный сдвиг, поскольку язык массмедиа можно считать самой влиятельной и значимой формой языка в современном обществе. Другой фактор – появление письменной спонтанной речи в виде чатов в Интернете и SMS-сообщений. Несмотря на эти элементы, выравнивающие различия между устной и письменной речью, для определения их как двух разновидностей языка есть веские аргументы.

Рассматривая детально прагматическую вариативность в употреблении языка, мы сталкиваемся, в частности, с терминами «стиль», «подъязык» и «жанр». Так, спрашивается, на каком основании можно утверждать, что жанр, стиль или подъязык X заслуживает статуса разновидности русского языка, а Y – нет? На наш взгляд, самыми значимыми являются три фактора: 1) замкнутость группы пользователей данной формы языка; 2) ее специфичность: насколько сильно разновидность отличается от стандартного языка (или от других разновидностей) по языковым характеристикам; 3) удельный вес данной разновидности, или распространенность и частотность речевых ситуаций, которым она свойственна.

Речевые жанры – это не то же самое, что разновидности языка. Разговор по душам, флирт, дискуссия на совещании, доклад весьма различны как по содержанию, так и по форме. Каждый из этих жанров требует наличия особых навыков и умений у говорящего, в связи с чем не все они обязательно входят в репертуар среднего носителя языка. Этими жанрами пользуется весьма неопределенная группа людей, а их речевые признаки незначительно отличаются от стандартного языка. Напротив, сленг, жаргон и арго, сильно отличающиеся от стандартного (устного) языка и играющие важную роль для идентификации их пользователей²², являются разновидностями языка.

---

²² Рассматривая современные жаргон, арго и сленг русского языка, В.В. Химик различает девять типов жаргонов [Химик 2004]. Это наглядно показывает многообразие разновидностей языка. Интересен в этой связи выбор термина: автор говорит не об исследовании этих разновидностей, а об их мониторинге. Таким образом он дистанцируется от рассматриваемого материала (ср. также классификацию Т.Б. Крючковой [Крючкова 2010: 71–72]).

Менее очевидная разновидность – подъязыки, которые употребляются достаточно ограниченной группой людей. Подъязыки, как правило, отличаются от стандартного языка менее заметно, чем, например, сленг или чат. Тем не менее они часто бывают до такой степени трудны для понимания, что недоступны носителям языка вне данной сферы. Эти аргументы позволяют нам выделить подъязыки как отдельную разновидность русского языка. Подъязыки понимаются здесь широко: это не только язык определенной профессиональной группы, но также язык разных любительских группировок (рыбаки, коллекционеры, представители разных видов спорта и т. п.)²³; язык общения прихожан церкви также следует включить в число подъязыков, см. [Бугаева 2008]. Прокомментируем также статус языка художественной литературы: в отличие от подъязыков, он, по определению доступен всем и поэтому не выделяется в особую разновидность языка.

Подчеркнем особую разновидность языка, употребляемого в миниатюрных письменных жанрах. Это разного рода вывески, заголовки и названия. Для такого языка свойствен минималистский подход к языковым выражениям в рамках заранее ограниченного текстового объема. В связи с этим наблюдается максимальная редукция синтаксиса (до одного называющего слова или словосочетания), например «Ведомости» (название газеты), «Ремонт автомобилей» (название и вывеска магазина). В заголовках более богатый синтаксис, чем, например, в названиях, но, как показала в своей теории синтаксем Г.А. Золотова, и в них употребление словоформ отличается от функционирования их в сплошных текстах [Золотова 1988]²⁴.

Особую трудность для классификации представляет разновидность, которая у Ю.Н. Караулова обозначена как «язык компьютера». Сегодня, очевидно, лучше говорить о языке Интернета, но этим переименованием проблема еще не решается. Как известно, компьютерная среда представляет собой множество новых речевых жанров, существенно отличающихся друг от друга; см., например, [Асмус 2005; Giltrow, Stein 2009]. Это, в частности: 1) блоги и другие публичные материалы (например, Википедия); 2) форумы и соответствующие платформы для обмена мнениями; 3) чаты с возможностью синхронного общения; 4) электронные письма. Кроме того, СМС, представляя собой особый тип современной технологии, являются еще одной, весьма своеобразной, формой коммуникации. Вопрос о статусе этих речевых жанров получает особый вес благодаря тому, что они широко распространены в современном обществе. Очевидно, сам формат передачи текстов, электронный или бумажный, нельзя считать самым важным критерием для определения жанров или разновидностей. Таким образом, интернетовские тексты отождествляются с другими письменными текстами (например, Википедия – с книжными энциклопедиями). Форумы демонстрируют, по крайней мере частично, письменную модификацию сленга или жаргона. Зато чаты и СМС более ощутимо отличаются от других письменных и устных форм существования русского языка, имея своеобразные синтаксические особенности, вызванные моментальным темпом порождения письменного текста. Вследствие этого их следует считать одной из разновидностей современного русского языка.

Как было отмечено, в устном варианте стандартного русского языка отмечается богатая стилевая (жанровая, регистровая) вариация, т. е. один и тот же человек говорит по-разному в зависимости от ситуации общения. Особый случай в этой вариации образуют ситуации, в которых говорящий радикально меняет манеру говорения, приспособив ее к реципиенту речи. В таких условиях (в разговоре с детьми, иностранцами)²⁵

---

²³ Согласно Л.П. Крысину, это языковые образования, которые выделяются на основе объединения людей «по интересам» [Крысин 1989: 75].

²⁴ Теория синтаксем была первоначально заявлена и впоследствии разработана в рамках функционального синтаксиса А.М. Мухиным [Мухин 1964].

²⁵ В недавней работе Т. Гавриловой и К. Федоровой определяются три роли, свойственные носителю русского языка в разных речевых ситуациях общения с иностранцами. Роль «гостеприимного хозяина» реализуется в случаях, описанных выше: русский старается помочь иностранцу хотя бы отчасти выразить себя на русском языке. Во второй роли «хозяина положения» русский

или другими группами коммуникантов, имеющих ограничения в восприятии речи) говорящий старается гарантировать понимание речи, обращая особое внимание на ее простоту. Таким образом, выделяется особая разновидность русского языка, отличающаяся от стандартного языка по всем параметрам (лексика, синтаксис, произношение, просодия, прагматика).

Выше говорилось о природных носителях языка. Кроме разновидностей, основанных на этом критерии, как отдельную ситуацию нужно рассмотреть употребление русского языка в функции лингва франка. Мы исходим из того, что еще не сформировался общий (глобальный) русский язык как лингва франка, имеющий устойчивые черты, отличающие его от нормативного русского языка так же, как ELF отличается от стандартного английского языка первого круга. На сегодняшний день существует описание локальных русских лингва франка, обладающих сравнительно регулярными особенностями, например, русский язык Дагестана [Daniel et al. 2010] и русский язык Удмуртии [Хакимов, Трусова 2010].

СВОДНЫЕ ТАБЛИЦЫ РАЗНОВИДНОСТЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

На основе сказанного выше мы приводим список разновидностей современного русского языка в виде двух таблиц. Первая таблица состоит из тех разновидностей, которые основываются на разных категориях говорящих.

В таблице 2 представлены те разновидности русского языка, которые обуславливаются характером коммуникативных ситуаций. Таким образом, решающий фактор – уже не то, кто говорит, а условия коммуникации. Например, разными подъязыками могут пользоваться разные категории говорящих, включая как носителей, так и неносителей языка. Конечно, в их речи чаще всего встречаются различия, но с точки зрения коммуникативных целей они менее существенны, чем особые свойства данной разновидности.

Примечания к таблицам

1. Как видно, здесь нет языка исторических памятников, как у Ю.Н. Караулова. Определение разновидностей затрагивает только современный русский язык.

2. Пиджины и другие смешанные языки (суржик, трасянка, одесский язык и т. п.) не были включены в таблицы, поскольку в них русский язык смешивается с каким-либо другим языком. Это весьма интересные разновидности языка, заслуживающие внимания исследователей. Пиджины и другие смешанные языки составляют также один из возможных способов общения, когда встречаются два человека, не имеющие между собой общего языка; ср. [Алпатов 2000: 15–20; Mustajoki 2010: 43–50]. Так, упомянутые смешанные языки, основывающиеся на русском, входят в языковую и прагматическую компетенцию ряда носителей русского языка и таким образом привлекают внимание русистов, но поскольку их нельзя считать разновидностями русского языка, они здесь не рассматриваются²⁶.

берет на себя ответственность за ведение беседы и определяет, каким будет используемый язык, делая лишь маленькие лексические уступки в сторону собеседника, не знающего русского языка. Это происходит, например, при торговой коммуникации на границе России с Китаем. Третья роль – «ученика» – свойственна русским торговцам в Выборге и Санкт-Петербурге, где продавцы привлекают к себе финляндских туристов при помощи некоторых финских слов, произнесенных с сильным акцентом, или неграмотно написанных текстов [Гаврилова, Федорова 2011].

²⁶ Появляются интересные исследования по новым пиджинам. Оказывается, потребность продавать и покупать является по-прежнему одним из самых важных поводов для создания смешанного языка-посредника в виде пиджина. Вспомним первый описанный пиджин *russenorsk*, который употреблялся в общении между норвежскими рыбаками и русскими купцами [Broch 1927]. Появились описания недавних образований, которые тоже основываются на торговых связях: русско-финский Тиккурила-пиджин [Перехвальская 2008] и новые формы русско-китайского пиджина [Оглезнева 2009; Fedorova 2011].

Разновидности русского языка, отражающие язык разных групп пользователей языка

Разновидность русского языка	Статус и пользователи	Сферы употребления	Особенности
1. Стандартный русский язык, устный вариант (СтРЯу)	родной язык носителей литературного языка; самая распространенная форма существования русского языка	употребляется в разных сферах личной и официальной жизни носителями литературного языка	большая жанровая (регистровая) дифференциация; первичные (диалогические) жанры отличаются более существенно (особенно синтаксически) от СтРЯп, чем вторичные жанры
2. Городское просторечие, диалекты, региональные варианты	родной язык носителей русского языка, родители которых не говорят на СтРЯу	основной, иногда единственный способ говорения в повседневном общении данных людей	отличается от СтРЯу, в особенности лексически, морфологически и фонетически
3. Язык детей	родной язык, еще не достигший уровня, свойственного речи взрослых	повседневный язык общения	отличается от СтРЯу бедностью лексики и своеобразием грамматических конструкций
4. Язык афатиков и других людей с сильным дефектом речи	язык людей, утративших некоторые языковые навыки вследствие поражения головного мозга	повседневный язык общения	может отличаться существенно и ограниченностью лексического и грамматического состава
5. Язык сравнительно недавно эмигрировавших русских и русских, живущих в ближнем зарубежье	родной язык людей, живущих в разных странах бывшего СССР и других странах мира (США, Германии, Финляндии и т. д.)	употребляется ежедневно в интеракции этих людей	только небольшие лексические различия (особенно названия реалий) по сравнению с СтРЯу; испытывает постепенно увеличивающееся влияние окружающего языка
6. Язык русских, долго живших в изоляции от России	родной язык людей, живущих в дальнем зарубежье и не имеющих контактов с Россией (в США, Германии, Финляндии и т. д.)	употребляется ежедневно в интеракции этих людей между собой	варьируется от сильных архаизмов (у части староверов) до существенного влияния титульного языка (на Аляске)
7. Язык нерусских, свободно говорящих по-русски (near-native speakers)	язык почти в совершенстве; большинство людей этой категории живет в России, в ближнем зарубежье и в ряде других стран	употребляется в общении с русскими и с представителями других языков этой же группы	отличается от СтРЯу только по выразительности и нюансированности речи
8. Язык иностранцев	второй, третий и т. д. язык, выученный в целях общения, знакомства с русскими и ознакомления с русской культурой или в интересах профессиональной деятельности	употребляется в общении с русскими или другими иностранцами, которые знают русский язык и хотят говорить на нем	степень и характер отклонений от СтРЯу зависят от того, где и как долго человек обучался русскому языку

Ситуативно обусловленные разновидности русского языка

Разновидность русского языка	Статус и пользователи	Сферы употребления	Особенности
9. Стандартный русский язык, письменный вариант (СтЯп)	выученный в школьном возрасте язык; находится под влиянием КодН, но также влияет на него; существенная стиливая дифференциация	употребляется в прессе, в официальной документации и других текстах общего характера	содержит отклонения от КодН, в частности лексические и грамматические новации и элементы СтЯу
10. Профессиональные подязыки специалистов	особые языки специалистов, выученные в течение обучения и/или <i>in vivo</i> в общении с представителями данной специальности	употребляются в письменной и устной коммуникации в специальных областях знания – профессионального, научного и любительского	отличается от СтЯп (особенно лексически) в такой мере, что люди вне данной области с трудом понимают его
11. Жаргон, арго, сленг	стихийно выученный язык определенных социальных групп; сильная идентифицирующая функция (знак принадлежности к группе)	употребляется только во внутригрупповом общении	существенные различия по сравнению с СтЯу (особенно в сфере лексики)
12. Язык миниатюрных письменных жанров	созданный для специальных целей сокращенный язык	употребляется в заголовках, вывесках и названиях	отличается от СтЯп синтаксически и лексически из-за строго ограниченных пространственных рамок и особой целевой установки
13. Язык чатов и СМС	стихийно выученный язык молодежи, употребляемый для определенных целей	специальный язык быстрого письменного общения через технические средства	сильно отличается по всем параметрам (орфография, лексика, синтаксис) от СтЯп
14. Приспособленная к реципиенту речь носителей языка	автоматическая или специально усвоенная манера речи с сильной ориентацией на слушателя	употребляется в общении с коммуникантами, не владеющими русским языком в совершенстве (дети, старики, иностранцы, люди с речевыми недостатками)	упрощение происходит по нескольким направлениям: избегание громоздких предложений, сложных конструкций и трудных слов; отчетливая дикция; громкий голос
15. Русский язык как лингва франка	выбранный в силу практических нужд общий язык коммуникации между носителями русского языка	повседневный способ коммуникации в условиях многоязычия	существенная редукция языковых средств по сравнению с СтЯу; влияние других языков

3. Изучая степень ненормативности той или иной разновидности, стоит иметь в виду наблюдение Э. Ранта [Ranta 2009], которая, сопоставляя черты ELF с тем, что типично для диалектов и просторечия английского языка, обнаружила, что часть ненормативных особенностей, которые были приписаны ELF, можно найти также в разных устных вариантах речи носителей языка. С учетом этого особенности ELF кажутся менее специфичными. На русском материале систематические сопоставления такого рода еще проводились, но вполне возможны аналогичные явления. Предварительные наблюдения показывают, что схожие упрощения морфологической системы происходят в речи разных категорий говорящих. Так, словоформы типа *много *солдатов, он *ищил* или *я *искаю*, отражающие систему русского словоизменения, но не норму современного русского языка, встречаются как в речи русских детей, так и в просторечии и речи иностранцев. М.Я. Гловинская приводит, со своей стороны, массу примеров ненормативного языка, взятых из СРЯп и СРЯу [Гловинская 1996]. Двух примеров достаточно, чтобы показать, о чем идет речь: *У нас нет таких *автобусах* и *Это считается *один из поспешных романов*. Как мы видим, это точно такие же ляпсусы, которые встречаются в речи иностранцев. Подобные достаточно частотные отклонения от нормы поднимают несколько вопросов. Во-первых, в какой мере они сходны в описанных разновидностях и какие из них свойственны речи лишь определенной группы говорящих? Во-вторых, можно ли на основе таких явлений прогнозировать будущее русского языка? В-третьих, как происходит их переход от случайных оговорок сначала на уровень СРЯу, а потом СРЯп? В-четвертых, образуют ли данные явления какую-либо целостную систему, последовательны ли они или же имеют случайный и спорадический характер? Такие явления нужно исследовать не только на основе аутентичной речи, но и с помощью психолингвистических экспериментов, изучая, отличаются ли реакции на них от реакций носителей языка на несистемные ошибки типа *много *фабриков* или *У нас нет таких *автобусах*.

4. Среди говорящих на ELF особую и представительную группу образуют люди, которые по беглости и скорости общения ни в чем не уступают носителям языка, но их речь пестрит погрешностями против норм языка. Такая манера говорения, естественно, возможна и у иностранцев, говорящих по-русски. Е. Протасова приводит показательный пример такого характера [Протасова 2011]. Идиолект болгарского экскурсовода, представляющего русским туристам достопримечательности Майорки, строится на весьма свободной интерпретации норм русского языка с такими последствиями, что всякая фраза ее речи содержит минимум одно отклонение от СРЯу: ударение ставится где угодно, выбор слов странен, идиоматика своеобразна и т. п. Речь гида не может не казаться забавной носителям языка, но, с другой стороны, в ней мало непонятого им. Это явление вызывает интерес, по крайней мере, в двух аспектах. Любопытно соотношение между персональной вариативностью и общей закономерностью таких идиолектов, т. е. можно ли в речи подобных говорящих найти регулярно повторяющиеся черты? Другая проблема заключается в статусе такой речи: как к ней относятся носители и неносители языка? Один возможный подход – полное пренебрежение к такому «нечистому» и ошибочному языку. В равной степени обоснованным является мнение людей, для которых важна только успешность коммуникации, а чистота речи второстепенна.

5. Важным вопросом в изучении разновидностей русского языка является их «эффективность», или то, насколько удачно они выполняют свои задачи в качестве средства коммуникации. Как известно, передача информации не является единственной целью общения. Иногда говорящий обращает недостаточное внимание на реципиент-дизайн²⁷ и приспособляет свою речь неадекватно, с точки зрения слушателя. Употребление сленга хорошо демонстрирует это. Важно не только общение как таковое, но также самопрезентация, подчеркивание принадлежности к данной группе людей [Mustajoki 2012: 230]. Пока мало исследований о том, как эти разные функции осуществляются во всевозможных разновидностях языка.

²⁷ Понятие реципиент-дизайна было введено в разговорном анализе для обозначения тех аспектов речи, которые обнаруживают ориентированность на других и чувствительность к особенностям со-участников общения [Sacks et al. 1974].

6. Интересная и с точки зрения практики важная область исследований – выяснение факторов, обуславливающих взаимопонимание собеседников. Многое зависит от владения соответствующей разновидностью русского языка и от общности языковой картины мира у коммуникантов. Однако, как показывают предварительные наблюдения, влияние этих факторов далеко не прямолинейно. Языковые недостатки и различия в общих знаниях можно компенсировать хорошей мотивацией и эффективным рецепиент-дизайном. С другой стороны, тормозом для взаимопонимания становится иллюзия общего ментального мира и нежелание тратить на общение дополнительные когнитивные усилия [Mustajoki 2012; 2013]. Если мы исходим из того, что одна из важнейших задач коммуникации – потребность понимать друг друга, то изучение всех обстоятельств, препятствующих этому, не может не привлечь внимание лингвистов.

7. Н.Б. Лебедева, рассматривая разные формы существования языка в сознании рядового его носителя, выделяет «знание языка», «знания о языке», «знания в языке» и «знания на языке», различая внутри каждого компонента неосознанные (интуитивные) и осознанные знания [Лебедева 2009]. Действительно, к знанию языка можно подойти с разных точек зрения. Нам кажется, что как раз при рассмотрении метаязыкового сознания людей необходимо учитывать вариативность языка, поскольку все отмеченные знания касательно языка сильно связаны с тем, о какой разновидности языка идет речь.

8. Что касается преподавания русского языка, то мы стоим перед простыми вопросами. Нам кажется, что сильное миграционное движение русских и рост внутренней вариативности русского языка не могут не повлиять на то, какой русский язык будет представлен в будущих учебниках, какие его разновидности будут даны как образцы речи, а какие отклонения от нормы будут определяться как ошибки. Возможно, вследствие больших изменений в мире нас ждет перелом в методике преподавания русского языка. Обсуждение этих вопросов, однако, выходит за пределы данной статьи.

ВЫВОДЫ

1. Кроме кодифицированной официальной нормы, можно выделить коллективную норму (то, что языковой коллектив считает правильным) и ситуативную норму. Однако языковой материал отражает в прямой форме не норму, а узус. Разновидности русского языка представляют собой разные узусы.

2. Важным критерием при определении разновидностей является то, кто говорит: носитель, пользователь стандартного языка или нестандартных языков (диалекты, просторечие), разные категории неносителей языка.

3. Второй критерий определения разновидностей языка восходит к особенностям ситуаций общения. Здесь нужно уделить внимание, в частности, каналу связи (устная или письменная речь), замкнутости круга людей, употребляющих данную форму языка, а также специфичности ее лингво-прагматических свойств.

4. Используя упомянутые критерии, можно выделить 15 разновидностей современного русского языка, которые представлены в таблицах 1 и 2.

5. Разновидности языка находятся в постоянном контакте между собой. Возникают и новые разновидности. Так, в последние годы создалась новая разновидность русского языка в виде чатов и СМС.

Отметим еще некоторые направления дальнейших исследований, вытекающие из перечисления большого количества разновидностей русского языка. На их основе перед русистами ставятся, в частности, следующие вопросы: чем разновидности отличаются друг от друга, какой статус они имеют среди говорящих по-русски, как они развиваются, как влияют друг на друга, как выполняют разные функции языка (коммуникативную, идентифицирующую, эстетическую и т. п.), как они должны быть учтены в преподавании русского языка, наличествуют ли разновидности языка в наивном сознании рядового носителя русского языка?²⁸

²⁸ Благодарю Марию Воейкову и Екатерину Протасову, а также двух анонимных рецензентов журнала ВЯ за ценные замечания, высказанные в процессе обсуждения статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аканова и др. 2010 – *Д.Х. Аканова, Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова*. Языковая ситуация и опыт языкового планирования в Казахстане // Е.П. Чельшев (ред.). Решение национально-языковых вопросов в современном мире – страны СНГ и Балтии. М., 2010.
- Алпатов 2000 – *В.М. Алпатов*. 150 языков и политика. 1917–2000 гг. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.
- Асмус 2005 – *Н.Г. Асмус*. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005.
- Байрамова 2001 – *Л.К. Байрамова*. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия. Казань, 2001.
- Белоусов 2010 – *В.Н. Белоусов*. Русский язык в контексте межкультурной коммуникации в современном мире // Е.П. Чельшев (ред.). Решение национально-языковых вопросов в современном мире – страны СНГ и Балтии. М., 2010.
- Бельчиков 2003 – *Ю.А. Бельчиков*. Русский язык. XX век. М., 2003.
- Богданова и др. 2009 – *Н.В. Богданова, А.С. Асиновский, М.В. Русакова, А.И. Рыко, С.Б. Степанова, Т.Ю. Шерстинова*. Звуковой корпус как способ мониторинга и фиксации разных форм естественного языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2009). М., 2009.
- Бугаева 2008 – *И.В. Бугаева*. Язык православных верующих в конце XX – начале XXI века. М., 2008.
- Валгина 2001 – *Н.С. Валгина*. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
- Гаврилова 2002 – *Т.О. Гаврилова*. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
- Гаврилова, Федорова 2011 – *Т.О. Гаврилова, К.С. Федорова*. Лингвистические стратегии носителей русского языка при коммуникации с различными иноязычными собеседниками // Н.Б. Вахтин (отв. ред.). Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации. СПб., 2011.
- Германова 2002 – *Н.Н. Германова*. О понятии стандартного языка в англоязычной традиции (некоторые терминологические уточнения) // Формы дифференциации языка в зеркале национальных терминологических традиций. М., 2002.
- Гловинская 1996 – *М.Я. Гловинская*. Активные процессы в грамматике // Е.А. Земская (отв. ред.). Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Гловинская 2001 – *М.Я. Гловинская*. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья. Вена, 2001. (= Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 53.)
- Голев 2009 – *Н.Д. Голев*. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II. Томск, 2009.
- Голубева-Монаткина 2004а – *Н.И. Голубева-Монаткина*. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века: Тексты и комментарии. М., 2004.
- Голубева-Монаткина 2004б – *Н.И. Голубева-Монаткина*. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века: Тексты и комментарии. М., 2004.
- Гольдин, Крючкова 2010 – *В.Е. Гольдин, О.Ю. Крючкова*. Русская диалектология: коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов, 2010.
- Горошко 2007 – *Е.И. Горошко*. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел, 2007.
- Горячева 2010 – *М.А. Горячева*. Языковая ситуация в республиках Татарстан, Саха (Якутия), Бурятия и Коми как иллюстрация видов соотношения русского и титульного языков // Е.П. Чельшев (ред.). Решение национально-языковых вопросов в современном мире – страны СНГ и Балтии. М., 2010.
- Димитрова 2000 – *С.П. Димитрова*. Речевое общение с детьми: коммуникация в условиях «неравнопоставленности» // Л.П. Крысин (отв. ред.). Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000.
- Дорофеев 2010 – *Ю.В. Дорофеев*. О национальной негомогенности русского языка в современном мире // Е.П. Чельшев (ред.). Решение национально-языковых вопросов в современном мире – страны СНГ и Балтии. М., 2010.

- Жданова 2009 – *В.В. Жданова*. К проблеме лингвистического статуса русского языка диаспоры // *V. Zhdanova (ed.)*. Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии. Die Welt der Slaven. 2009. Bd 38.
- Живая речь уральского города 1988 – Живая речь уральского города: Сб. науч. трудов. Свердловск, 1988.
- Живая речь уральского города 1995 – Живая речь уральского города: Тексты. Екатеринбург, 1995.
- Живая речь уральского города 2011 – Живая речь уральского города: Устные диалоги и эпистолярные образцы / Сост. И.В. Шалина. Екатеринбург, 2011.
- Земская 1987 – *Е.А. Земская*. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
- Земская 1996 – *Е.А. Земская*. Введение // *Е.А. Земская* (отв. ред.). Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Земская 2000 – *Е.А. Земская*. Язык русского зарубежья: проблемы нормы и речевого поведения // *Н.А. Купина* (отв. ред.). Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- Земская 2001 – *Е.А. Земская*. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья. Вена, 2001. (= Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 53.)
- Золотова 1988 – *Г.А. Золотова*. Синтаксический словарь русского языка. М., 1988.
- Какорина 2010 – *Е.В. Какорина*. Язык интернет-коммуникации // Современный русский язык: Система – норма – узус. М., 2010.
- Калиновская 2011 – *Е.А. Калиновская*. Ксенолект как лингвистический феномен: Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011.
- Караулов 1991 – *Ю.Н. Караулов*. О состоянии русского языка современности (Доклад на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики») и материалы почтовой дискуссии). М., 1991.
- Касаткин и др. 2000 – *Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина, С.Е. Никитина*. Русский язык оregonских старообрядцев: языковые портреты // *Л.П. Крысин* (отв. ред.). Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000.
- Кёстер-Тома 1993 – *З. Кёстер-Тома*. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика. 1993. Т. 193. № 2.
- Кибрик 1998 – *А.А. Кибрик*. Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинилчик (Аляска) // *В.Ф. Выдрин, А.А. Кибрик* (ред.). Язык, Африка, Фольбе: Сб. науч. ст. в честь А.И. Коваль. СПб.; М., 1998.
- Кибрик, Подлесская 2009 – *А.А. Кибрик, В.И. Подлесская* (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 2009.
- Китайгородская, Розанова 1999 – *М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова*. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- Китайгородская, Розанова 2010 – *М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова*. Языковое существование современного горожанина. М., 2010.
- Коньков и др. 2004 – *В.И. Коньков, А.М. Потсар, С.И. Сметанина*. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб., 2004.
- Корпусные исследования 2009 – *К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов* (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.
- Красных 2003 – *В.В. Красных*. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М., 2003.
- Кронгауз 2009 – *М.А. Кронгауз*. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009.
- Крысин 1989 – *Л.П. Крысин*. Социолнгвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Крысин 2000 – *Л.П. Крысин*. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. № 5. Сеул, 2000.
- Крысин 2004 – *Л.П. Крысин*. Русское слово, свое и чужое. М., 2004.
- Крючкова 2010 – *Т.Б. Крючкова*. О понятийно-терминологическом аппарате описания языкового состояния // *Е.П. Чельшев* (ред.). Решение национально-языковых вопросов в современном мире – страны СНГ и Балтии. М., 2010.
- Кюльмоя 2000 – *И. Кюльмоя*. О современном состоянии языка русской диаспоры в Эстонии // Русские в Эстонии на пороге XXI века. Таллинн, 2000.
- Лазутова 2010 – *М.Н. Лазутова*. О функционировании русского языка в государствах СНГ и Балтии // *Е.П. Чельшев* (ред.). Решение национально-языковых вопросов в современном мире – страны СНГ и Балтии. М., 2010.

- Ларин 1928а – *Б.А. Ларин*. Лингвистической характеристике города. (Несколько предпосылок) // Изв. Гос. пед. ин-та им. Герцена. Вып. 1. Л., 1928.
- Ларин 1928б – *Б.А. Ларин*. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Вып. 3. Л., 1928.
- Лебедева 2009 – *Н.Б. Лебедева*. Структура языкового сознания и место в ней метаязыкового компонента // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Кемерово; Барнаул, 2009.
- Лепская 1997 – *Н.И. Лепская*. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.
- Литературная норма и вариантность 1981 – Литературная норма и вариантность. М., 1981.
- Майданова 2000 – *Л.М. Майданова*. Газетно-публицистический стиль: метаморфозы коммуникантов // Н.А. Купина (отв. ред.). Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- Мечковская 2006 – *Н.В. Мечковская*. Демократизация языков: факторы, коллизии и альтернативы // Acta neophilologica. 2006. V. 8.
- Мустайоки 1988 – *А. Мустайоки*. О предмете и цели лингвистических исследований // Язык: система и функционирование. М., 1988.
- Мустайоки 2011 – *А. Мустайоки*. Почему общение на *лингва франка* удается так хорошо // Н.Б. Вахтин (отв. ред.). Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации. СПб., 2011.
- Мустайоки, Протасова 2004 – *А. Мустайоки, Е. Протасова* (ред.). Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Хельсинки, 2004. (=Slavica Helsingiensia 24.)
- Мухин 1964 – *А.М. Мухин*. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.; Л., 1964.
- Никитина 2001 – *С.Е. Никитина*. Русские профессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика // Е.В. Красильникова (ред.). Русский язык зарубежья. М., 2001.
- Норман 1998 – *Б.Ю. Норман*. Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами // Русистика. 1998. № 1–2.
- Оглезнева 2009 – *Е.А. Оглезнева*. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск, 2009.
- Орешкина 2010 – *М.В. Орешкина*. Русский язык в странах СНГ и Балтии: законодательный аспект // Е.П. Чельшев (ред.). Решение национально-языковых вопросов в современном мире – страны СНГ и Балтии. М., 2010.
- Панов 1988 – *М.В. Панов*. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М., 1988.
- Перехвальская 2008 – *Е.В. Перехвальская*. Русские пиджины. СПб., 2008.
- Пиккарайнен 2011 – *М. Пиккарайнен*. Разговор на неродном языке: совместная деятельность участников при построении разговора // Н.Б. Вахтин (отв. ред.). Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации. СПб., 2011.
- Протасова 1998 – *Е.Ю. Протасова*. Особенности русского (первого) языка у живущих в Финляндии // Русистика сегодня. 1998. № 3–4.
- Протасова 2004 – *Е.Ю. Протасова*. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб., 2004.
- Протасова 2011 – *Е. Протасова*. Особенности неродного русского в туристической сфере // Н.Б. Вахтин (отв. ред.). Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации. СПб., 2011.
- Пуссинен 2011 – *О. Пуссинен*. Типы коммуникативных неудач при владении русским языком в качестве функционально непервого // Н.Б. Вахтин (отв. ред.). Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации. СПб., 2011.
- Синочкина 2004 – *Б. Синочкина*. Старобрядцы Латвии: специфика языковой личности // А. Мустайоки, Е. Протасова (ред.). Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Хельсинки, 2004.
- Современный русский язык 2010 – Современный русский язык: система – норма – узус. М., 2010.
- Солнцев 1984 – *В.М. Солнцев*. Вариативность как общее свойство языковой нормы // Вопросы языкознания. 1984. № 2.
- Сулейменова 2010 – *Э.Д. Сулейменова*. Главный вектор гражданской идентичности // Э.Д. Сулейменова (ред.). Динамика языковой ситуации в Казахстане. Алматы, 2010.
- Сулейменова 2011 – *Э.Д. Сулейменова*. Языковые процессы и политика. Алматы, 2011.
- Сулейменова, Смагулова 2005 – *Э.Д. Сулейменова, Ж.С. Смагулова*. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. Алматы, 2005.
- Федорова 2002 – *К.С. Федорова*. Лингвоповеденческие стратегии в ситуации общения с иностранцем (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.

- Хакимов, Трусова 2010 – Э.П. Хакимов, Е.Г. Трусова. Русский язык как лингва франка в республике Удмуртия // А. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds). Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian. Helsinki, 2010.
- Химик 2004 – В.В. Химик. Язык современной молодежи // Современная русская речь: Состояние и функционирование. СПб., 2004.
- Цейтлин 2000 – С.Н. Цейтлин. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Шайбакова 2005 – Д.Д. Шайбакова. Функционирование русского языка в Казахстане: Вчера, сегодня, завтра. Алматы, 2005.
- Шапошников 2011 – В.Н. Шапошников. Просторечие в системе русского языка на современном этапе. М., 2011.
- Щерба 1957 – Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Юдина 2010 – Н.В. Юдина. Русский язык в XXI веке: Кризис? эволюция? прогресс? М., 2010.
- Языковая политика в Казахстане 2010 – Языковая политика и динамика языковой ситуации в Казахстане. Алматы, 2010.
- Языковой облик уральского города 1990 – Языковой облик уральского города: Сб. науч. трудов. Свердловск, 1990.
- Ammon 1989 – U. Ammon. Towards a descriptive framework for the status / function (social position) of a language within a country // U. Ammon (ed.). Status and function of languages and language varieties. Berlin; New York, 1989.
- Auer, Spiekermann 2011 – P. Auer, H. Spiekermann. Demotisation of the standard variety or destandardisation? The changing status of German in late modernity (with special reference to south-western Germany) // T. Kristiansen, N. Coupland (eds). Standard languages and language standards in changing Europe. Oslo, 2011.
- Blommaert, Rampton 2011 – J. Blommaert, B. Rampton. Language and superdiversity // Diversities. 2011. V. 13. № 2.
- Broch 1927 – O. Broch. Russenorsk // Archiv für slawische Philologie. 1927. Bd. 41.
- Cameron 2005 – D. Cameron. Communication and commodification: Global economic change in sociolinguistic perspective // G. Erreygers (ed.). Language, communication and the economy. Amsterdam, 2005.
- Coseriu 1962 – E. Coseriu. Sistema, norma y habla. Montevideo, 1962.
- Coseriu 1967 – E. Coseriu. Sistema, norma y habla // Teoría del lenguaje y lingüística general. Madrid, 1967.
- Coupland, Kristiansen 2011 – N. Coupland, T. Kristiansen. SLICE: Critical perspectives on language (de)standardisation // T. Kristiansen, N. Coupland (eds). Standard languages and language standards in changing Europe. Oslo, 2011.
- Daniel et al. 2010 – M. Daniel, N. Dobrushina, S. Knyazev. Highlanders' Russian: Case study in bilingualism and language interference in central Daghestan // A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds). Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian. Helsinki, 2010.
- Davies 2003 – A. Davies. The native speaker: Myth and reality. Clevedon, 2003.
- Dewey 2009 – M. Dewey. English as a lingua franca: Heightened variability and theoretical implications // A. Mauranen, E. Ranta (eds). English as a lingua franca: Studies and findings. Cambridge, 2009.
- Duchêne 2009 – A. Duchêne. Marketing, management and performance: Multilingualism as a commodity in a tourism call center // Language policy. 2009. V. 8. № 1.
- English as a lingua franca 2009 – A. Mauranen, E. Ranta (eds). English as a lingua franca: Studies and findings. Cambridge, 2009.
- Fedorova 2011 – K. Fedorova. Transborder trade on the Russian-Chinese border: Problems of interethnic communication // B. Bruns, J.P. Miggelbrink (eds). Subverting borders. Doing research on smuggling and small-scale trade. Wiesbaden, 2011.
- Firth, Wagner 1997 – A. Firth, J. Wagner. On discourse, communication, and (some) fundamental concepts in SLA research // The modern language journal. 1997. V. 81. № 3.
- Gal, Irvine 1995 – S. Gal, J. Irvine. The boundaries of languages and disciplines: How ideologies construct difference // Social research 1995. V. 62. № 4.
- Giddens 2000 – A. Giddens. Runaway world: How globalisation is reshaping our lives. New York, 2000.
- Giltrow, Stein 2009 – J. Giltrow, D. Stein (eds). Genres in the Internet: Issues in the theory of genre. Amsterdam, 2009.
- Heller 2010 – M. Heller. The commodification of language // Annual review of anthropology. 2010. V. 39.

- Higgins 2003 – *C. Higgins*. «Ownership» of English in the outer circle: An alternative to NS-NNS dichotomy // *TESOL Quarterly*. 2003. V. 37. № 4.
- House 2003 – *J. House*. English as a lingua franca: A threat to multilingualism? // *Journal of sociolinguistics*. 2003. V. 7. № 4.
- Hülmbauer 2009 – *C. Hülmbauer*. «We don't take the right way. We just take the way that we think you will understand» – The shifting relationship between correctness and effectiveness in ESL // *A. Mauranen, E. Ranta* (eds). *English as a lingua franca: Studies and findings*. Cambridge, 2009.
- Kachru 1985 – *B.B. Kachru*. Standards and codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle // *R. Quirk, H.G. Widdowson* (eds). *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge, 1985.
- Linell 1998 – *P. Linell*. *Approaching dialogue: Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives*. Amsterdam; Philadelphia, 1998.
- Linell 2009 – *P. Linell*. *Rethinking language, mind and world dialogically: Interactional and contextual theories of human sense making*. Charlotte (NC), 2009.
- Linell 2012 – *P. Linell*. Formal written-language biased vs. dialogical linguistics of the nature of language // *A. Kravchenko* (ed.). *Cognitive dynamics in linguistic interactions*. Cambridge, 2012.
- Marková 1982 – *I. Marková*. *Paradigms, thought, and language*. Chichester; New York, 1982.
- Mauranen 2006 – *A. Mauranen*. Signalling and preventing misunderstanding in English as lingua franca communication // *International journal of sociology of language*. 2006. V. 177. № 1.
- Mustajoki 2010 – *A. Mustajoki*. Types of non-standard communication encounters with special reference to Russian // *M. Lähtenmäki, M. Vanhala-Aniszewski* (eds). *Language ideologies in transition multilingualism in Russia and Finland*. Frankfurt am Main, 2010.
- Mustajoki 2012 – *A. Mustajoki*. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication // *Language and dialogue*. 2012. V. 2. № 2.
- Mustajoki 2013 – *A. Mustajoki*. Risks of miscommunication in various speech genres // *E. Borisova, O. Souleimanova* (eds). *Understanding by communication*. Cambridge, 2013.
- Mustajoki et al. 2010 – *A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin* (eds). *Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian*. Helsinki, 2010. (*Slavica Helsingiensia* 40.)
- Östman, Mattfolk 2011 – *J.-O. Östman, L. Mattfolk*. Ideologies of standardisation: Finland Swedish and Swedish-language Finland // *T. Kristiansen, N. Coupland* (eds). *Standard languages and language standards in changing Europe*. Oslo, 2011.
- Pavlenko 2008a – *A. Pavlenko*. Multilingualism in post-Soviet countries: Language revival, language removal, and sociolinguistic theory // *International journal of bilingual education and bilingualism*. 2008. № 3–4.
- Pavlenko 2008b – *A. Pavlenko*. Russian in post-Soviet countries // *Russian linguistics*. 2008. V. 32. № 1.
- Pavlenko 2011 – *A. Pavlenko*. Language right versus speakers' right: On the applicability of Western language rights approaches in Eastern European context // *Language policy*. 2011. V. 10. № 1.
- Pavlenko 2012 – *A. Pavlenko*. Commodification of Russian in post-1911 Europe // *M. Bär et al.* (Hrsg.). *Globalisierung, Migration, Fremdsprachunterricht. Dokumentation zum 24. Kongress für Fremdsprachendidaktik der Deutschen Gesellschaft für Fremdsprachenforschung (DGFF)*. Baltmannsweiler, 2012.
- Ranta 2009 – *E. Ranta*. Syntactic features in spoken ELF – Learner language or spoken grammar? // *A. Mauranen, E. Ranta* (eds). *English as a lingua franca: Studies and findings*. Cambridge, 2009.
- Ryazanova-Clarke, Wade 1999 – *L. Ryazanova-Clarke, T. Wade*. *The Russian language today*. London; New York, 1999.
- Sacks et al. 1974 – *H. Sacks, E. Schegloff, G. Jefferson*. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation // *Language*. 1974. V. 50. № 4.
- Sandøy 2011 – *H. Sandøy*. Language culture in Norway: A tradition of questioning standard language norms // *T. Kristiansen, N. Coupland* (eds). *Standard languages and language standards in changing Europe*. Oslo, 2011.
- Sherstinova 2010 – *T. Sherstinova*. Quantitative data processing in the ORD speech corpus of Russian everyday communication // *P. Grzybek, E. Klih, J. Mačutek* (eds). *Text and language: Structures, functions, interrelations, quantitative perspective*. Wien, 2010.
- Skutnabb-Kangas, Phillipson 1989 – *T. Skutnabb-Kangas, R. Phillipson*. «Mother tongue»: The theoretical and sociopolitical construction of a concept // *U. Ammon* (ed.). *Status and function of languages and language varieties*. Berlin; New York, 1989.
- Taylor 1990 – *T. Taylor*. Which is to be master? The institutionalisation of authority in the science of language // *J. Joseph, T. Taylor* (eds). *Ideologies of language*. London, 1990.

- Thelander 2011 – *H. Thelander*. Standardisation and standard languages in Sweden // T. Kristiansen, N. Coupland (eds). *Standard languages and language standards in changing Europe*. Oslo, 2011.
- Vanhala-Aniszewski 2010 – *M. Vanhala-Aniszewski*. Unity or diversity? The language ideology debate in Russian media texts // M. Lahteenmaki, M. Vanhala-Aniszewski (eds). *Language ideologies in transition multilingualism in Russia and Finland*. Frankfurt am Main, 2010.
- Vertovec 2010 – *S. Vertovec*. Towards post-multiculturalism? Changing communities, contexts and conditions of diversity // *International social science journal*. 2010. V. 199.
- Wingender 2003 – *M. Wingender*. Überlegungen zur Weiterentwicklung der Theorie der Standardsprache // W. Gladrow (Hrsg.). *Die slawischen Sprachen im aktuellen Funktionieren und historischen Kontakt*. Beiträge zum XIII internationalen Slavistenkongress. Frankfurt am Main, 2003.
- Wingender et al. 2010 – *M. Wingender, I. Barkijević, D. Müller*. Korpuslingvistische Untersuchungen von Standardsprachenmarkmalen. Ein Beitrag zur vergleichenden Standardologie // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2010. V. 67. № 1.
- Ždanova 2007 – *V. Ždanova*. Zum Problem der Sprachkompetenz bilingualer Migranten mit Russisch als Erstsprache // B. Brehmer et al. (Hrsg.). *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLV) 10*. München, 2007.

Сведения об авторе:

Арто Мустайоки
Хельсинкский университет
arto.mustajoki@helsinki.fi

Статья поступила в редакцию 11.12.2012.